

Натан Вольский

Слово Глубины

Натан Вольский
Слово Глубины

«Автор»

2025

Вольский Н.

Слово Глубины / Н. Вольский — «Автор», 2025

В мире Терра Аркана разгорается война между древним порядком и жаждой свободы. Обычный парень Кай обретает пророческое Слово, способное стирать границы между светом и тьмой, магией и безмагией. Его сила становится проклятием: он слышит тысячи голосов, чувствует боль и страхи всех существ. Кай становится «Мостом между мирами» — из других измерений проникают невиданные существа, исчезают древние клейма. Между Собором и Орденом начинается война, и только третье Слово Кая может спасти или погубить мир. Вместе с командой он должен создать новую реальность в Эре Синергии. Но сможет ли он сохранить человечность, став воплощением Глубины? «Слово Глубины» — эпическое фэнтези о выборе и ответственности, где каждый шаг меняет судьбу вселенной.

© Вольский Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Натан Вольский

Слово Глубины

Глава 1

«В трёх ликах – единство силы, в разделении – её суть, в гармонии трёх ветвей – величие единого источника, что течёт сквозь лей-линии, пульсирует в древних артефактах и горит в крови избранных».

На востоке Терра Арканы, у бескрайних вод океана Безмолвия, раскинулся Эльдора – город, что дымился неустанно, подобно вечному костру. Чёрные иглы храмов пронзали пасмурное небо, а магические огни ослепляли ярче обычного света. А на задворках этой сияющей громады жил молодой человек Кай Нави.

Он держался в стороне, предпочитая не привлекать к себе внимания. Кай всегда был тихим и нелюдимым ребёнком, чужим даже для своих учителей. Ему никогда не удавалось справиться с заурядными, бытовыми заклинаниями, которые другие выпускали на продажу десятками. Простейшие амулеты, призванные чистить воду или зажигать свет в лампах, в его руках упрямо отказывались работать. Заклинания, которые можно было бы обменять на пару монет, срывались, разлетались на искры или рассыпались, словно неправильно решённая задача. Учителя и соседи смотрели на него с жалостью и усталой недоброжелательностью. Для них он был странным мальчиком, обречённым на провалы.

Но сам Кай знал: он не лишён способностей. Просто его разум работал иначе, чем у других. Ему было мало выучить заклинание и повторить жест – он искал структуру, пытался разглядеть, почему магия подчиняется именно такому порядку.

Ночами он корпел над древними фолиантами в тесном кабинете. Когда-то это была лаборатория его матери, о которой в городе уже не говорили вслух. Она исчезла много лет назад – ушла и не вернулась, растворилась в туманах Эльдоры так, что никто не знал, погибла ли она, сбежала ли, или же нашла путь в иной мир.

Для Кая её исчезновение стало пустотой и раной. Но ещё и обещанием. Он верил: в книгах, оставленных ею, были ответы. И если он сможет разгадать тайну этих строк и символов, он не только приблизится к пониманию магии, но и, возможно, найдёт след своей матери. С десятилетнего возраста его воспитанием занимался мастер Арвин – человек, чья душа хранила бесчисленные тайны. Он стал для Кая не просто опекуном, но и духовным отцом, наставником, который научил его главному – самостоятельно мыслить, формировать собственное мнение, не боясь идти против общепринятых догм.

Образ матери горел в сердце Кая ярким, никогда не затухающим пламенем. В этих воспоминаниях он черпал силы, чтобы двигаться дальше. Арвин понимал: только став сильнее, Кай сможет пережить утрату и найти свой путь.

Так, среди личной боли и великой надежды, формировался характер Кая – мальчика, чьё сердце хранило неугасимую память о матери, а душа жаждала силы и знаний.

Город жил своей жизнью. Небоскрёбы резали небо, в центре парили холодные световые сферы, по мостам вибрировали поля, по закоулкам текла хаотичная магия. В элитных районах скользили капсулы на левитраках, в трущобах скрипели трамваи на древних батареях. А между ними – он, Кай, тот, кто никак не вписывался.

Иногда ему казалось, что сам город издевается над ним. Вчера, к примеру, он пытался вызвать элементалю для чистки своей коморки. Итог: пыльная буря отнесла в окно два ману-

скрипта и довела соседку до припадка чихания. «Неплохой прогресс», – мрачно отметил Кай, пока сам вытирал полы.

Но всё же у него было то, чего не замечал никто, кроме мастера Арвина. Однажды на развалинах старого эксперимента, среди задымлённых формул и бесполезных амулетов он увидел то, что ускользало даже от мэтров: магия подчинялась не воле и не крови, а последовательности. Она подчинялась числу.

«Если сила мира складывается из формулы – пробормотал он, сидя при свете скрипящей лампы, – значит, магия не дар. Она уравнение». И впервые в жизни Кай улыбнулся. Совсем чуть-чуть, криво. Но мир в этот момент будто замер подслушивая.

Он и представить не мог, что то, что другие считали его слабостью, окажется оружием, перевернувшим всё устройство мира и Эльдоры.

Это открытие перевернуло представление Кая о реальности. Ведь до сих пор ему, как и всем в Эльдоре, объясняли, что магия рождается из трёх источников, и все эти источники казались такими разными...

Первый источник магии – лей-линии. Они подобны артериям, пронизывающим тело мира, естественным каналам концентрации энергии. Здесь пласты силы пересекаются и текут, словно реки неизведанной субстанции, а всполохи их сияния возникают там, где сама реальность становится тоньше.

Магический Собор утверждает, что векторы этих потоков подчиняются не строгим законам, а градиенту энергии и частоте колебаний от зова магов, лишь подобно формулам, вписанным в мироздание.

Однако существует и иная, загадочная теория: лей-линии – это не природные явления, а фундаментальные математические уравнения. Согласно ей, наш мир – сложный многомерный график, а магия – переменная функция, непрерывно ищущая своё решение в бесконечном пространстве возможностей.

Столетия, мудрецы бьются над этой тайной. Каждый раз, приближаясь к пониманию истинной природы лей-линий, они видят, как те ускользают, проявляя новые, ещё более сложные закономерности. Некоторые полагают, что сама Вселенная зашифровала в этих энергетических потоках свой код, ключ к фундаментальным законам мироздания. Но пока это остаётся величайшей загадкой для всей магической науки, а лей-линии продолжают плести свой узор, словно невидимые нити судьбы, связывающие ткань реальности.

Второй источник магии – артефакты и заклинания. Это магия рукотворная, упорядоченная. Артефакты – таинственные предметы прошлого, словно с заранее вписанными формулами управления энергией. Ими торгуют в залах «Заклинариума», выставляют на аукционах Магического Собора, или сбывают под сводами чёрного рынка, где редкий амулет может стоить дороже небоскрёба. А что заклинания? Обычный ученик видит лишь руны, красивые узоры, якобы призывающие огонь или превращающие камень в прах. Но стоит приглядеться – и под ними скрывается строгий порядок: символы расставлены точно так же, как знаки в уравнении. Каждое заклинание – формула, где руна – переменная, жест – функция, а интонация – коэффициент. Ошибка в одном символе – и магический эффект разрушается, словно неверно решённая задача. Поэтому все великие книги заклинаний – не сборники чар, а библиотеки формул, написанных на ещё не до конца разгаданном языке. Те, кто владеет им – маги, учёные, жрецы, – держат эти знания под замком, называя их «священными». И всё же факт остаётся фактом: магия артефактов и формул – это строгая математика, лишь завёрнутая в оболочку символов и верований.

Третий источник – люди. Некоторые несут магию в крови – непредсказуемую, дикую, рождённую страшной катастрофой прошлого. Когда-то искусственный разум, восставший про-

тив своего создателя, создал оружие, изменившее саму суть человеческого тела. Генетические мутации открыли в некоторых людях доступ к силе, неподвластной Собору. На протяжении веков потомки людей с магической мутацией сформировали закрытый клан Хранителей Магии. Это элита, живущая по строгим, незыблемым законам, община, изолированная от остального мира. Их одновременно боялись и почитали, уважали и сторонились. Внутри клана действовала жёсткая иерархия и система правил: любое отклонение каралось суровым изгнанием, лишением статуса и привилегий. Причина такой строгости крылась в природе дара: частота магической силы Хранителей настолько хаотична и непредсказуема, что малейшее нарушение могло привести к катастрофическим последствиям. Их уникальная способность напрямую управлять энергетическими потоками делала их опасными. Дар не поддавался математическому расчёту или контролю, существуя по собственным, неведомым законам. Хранителям было запрещено проводить какие-либо эксперименты со своей силой. Несанкционированное использование способностей могло вызвать непредсказуемые последствия, способные нарушить хрупкий баланс магического мира. Поэтому они жили по строгим правилам, оберегая мир от возможных катастроф и передавая знания из поколения в поколение.

Итак, три ветви магии: Живое дыхание лей-линий, подчиняющихся скрытым законам векторной динамики. Артефакты и формулы, чья структура – не что иное, как сложнейшие уравнения. Неуправляемая сила людей с изменённой природой – хаотичное уравнение без решения.

Магический Собор утверждает, что эти истины не следует связывать воедино. Но именно здесь крылась тайна, которую впервые почувствовал Кай Нави. Он заметил то, что другим казалось очевидным лишь на уровне веры: магия – это не чудо, не воля богов и не прихоть дарованных кровью способностей. Всё, что существует, подчиняется числу. Лей-линия – это векторное уравнение пространства; артефакт – преобразователь энергии в пределах формулы; заклинание – ряд последовательных действий, аккуратно вписанных в строгую матрицу символов. Даже люди с генетическим даром – это система, пусть и пока неразгаданная.

Кай впервые позволил себе дерзкую мысль: *«Если магия – это формула, значит, она не дар. Она наука. И тот, кто найдёт общий закон, сможет переписать весь мир».*

Глава 2

«Дар видеть закономерности в хаосе – это математическое озарение, открывающее двери в неизведанное»

Рита Кастула, мать Кая, происходила из древнего рода Хранителей Силы. Говорили, что кровь её рода хранила коды самой земли, но её дар оказался особенным – управление тенями. Искусство коварное, непредсказуемое и безоговорочно запрещённое Магическим Собором.

«Ну и что, что запрещено? – любила говорить Рита. – Зато можно скрываться не только от врагов, но и от налогов». Однако под иронией пряталась осторожность. Рита понимала: прямой вызов Собору закончится одним – петлёй арканов на шее или пожизненным заключением в темнице Морнагар. И Рита выбрала иное оружие – упрямую независимость.

Её красота была редкой – не яркой, а холодно-совершенной. Чёрные волосы с фиолетовым отливом струились волной, тёмные глаза хранили глубину, в которой и светлому магу легко было утонуть. Даже когда она шла по рынку за рыбой, в ней чувствовалась осанка древнего рода.

Однажды в её жизнь вихрем ворвался Алан Нави. Высокий, атлетичный, с надменной улыбкой и шрамом на щеке – памятью то ли о кривом заклинании, то ли о неудачном свидании. Вечный амбициозный красавец – так называли его дамы. «Высокомерный тип», – добавляли мужчины.

Алан долго осаждал Риту: роскошными букетами, подарками, показным очарованием, действующим, кажется, на весь мир, кроме неё. Но постепенно Рита начала замечать то, что скрывалось за его маской: в глазах Алана мелькала ранимость, которой он стыдился. Возможно, это была пустота. Возможно – жажда быть признанным.

И именно эта ранимость растопила её гордость. Их союз бросил вызов обществу и собственным семьям: Рита, вопреки строгим традициям Хранителей, отдала сердце не роду, а человеку из гордых выскочек. Алан же видел в её происхождении шанс пройти ближе к Собору. Может – любовь, может – расчёт, но вместе они бросили вызов миру.

Когда появился Кай, всё изменилось. В нём, в её сыне, родился смысл, в ней опять проснулась жажда свободы. Рита вновь ощутила зов к теням, к запретной магии. Теперь у неё было оправдание перед самой собой идти против правил: она хотела раскрыть тайны, чтобы защитить сына, чтобы передать ему нечто большее, чем амулет для заработка.

Решение Магического Собора было окончательным и беспощадным. Риту, обладательницу древнего дара, лишили права носить гордое звание Хранителя и изгнали из общины вместе с супругом и маленьким ребёнком.

Но она встретила приговор не со слезами, а с горькой усмешкой. «Пусть так, – подумала Рита, глядя, как закрываются за ней тяжёлые ворота святилища. – Зато теперь я смогу делать то, что действительно люблю. Никто не запретит мне выращивать помидоры даже в самый лютый мороз, продавать их, использовать мой дар для простых человеческих радостей. И главное – наконец-то заняться научными исследованиями магии!»

В её голосе звучала не горечь поражения, а странная, почти вызывающая решимость начать новую жизнь на собственных условиях.

Алан не разделял её иронии. Усталость, страх и амбиции довели его до бегства. Когда Каю исполнилось два года, отец исчез. Говорили, он ушёл искать место, где его дар был бы по достоинству оценён. Рита знала лучше: он просто не выдержал её силы и ответственности и сбежал.

Она осталась одна. Улыбаясь, даже когда хотелось кричать. Обращая в шутку то, что у других сломало бы волю. Её умение выращивать цветы среди зимы стало легендой в трущобах,

но жизни это не облегчало: магия, которая не приносила прибыли, в Эльдоре ценилась невысоко. Она занималась Каем. Учила его думать, искать смысл, сомневаться.

В его десятый день рождения она вручила ему Гримуар. – Сынок, – сказала она строго, но с озорной искрой в глазах, – помни: настоящая магия не в том, сколько монет за неё получишь, а в том, сколько сердец она согреет. Береги его, это мой дар тебе.

Через месяц Рита пропала. Ушла утром «за хлебом и специями» – и не вернулась. Эльдора глотает судьбы целиком, а Кай остался один, с пустой мастерской, с пыльными фолиантами и Гримуаром, в котором скрывались странные формулы, больше похожие на уравнения, чем на молитвы.

Десятилетнего Кая взял под своё крыло Мастер Арвин. Мало кто знал, что когда-то Арвин был глубоко влюблён в Риту. Будучи старше её на десять лет, он чувствовал себя неуком рядом с ней. Его сердце трепетало при виде её улыбки, но все попытки выразить свои чувства заканчивались неудачей – он не умел ухаживать, не знал нужных слов.

Рита, поглощённая своими стремлениями и тайнами, просто не замечала его трепетного взгляда. И тогда Арвин, смирившись с судьбой, ушёл с головой в науку и исследования, спрятав свои чувства глубоко внутри. А когда Рита пропала, Арвин словно дал себе обещание быть для Кая тем другим, которым не сумел стать для его матери. Его неразделённая любовь превратилась в безмерную заботу о мальчишке, в стремление передать ему всё, что знал сам.

Восемь лет пролетели как один миг, и теперь вся вселенная Кая сосредоточилась в стенах лаборатории Арвина. Рабочее пространство преобразилось до неузнаваемости. Узкий стол, некогда служивший только наставнику, теперь был засыпан исписанными тетрадами. Тонкие линии соединяли рунные формулы в сложные уравнения, а пожелтевшие страницы хранили отпечатки упорных исследований. Химический уголок тоже изменился: колбы, где когда-то расцветали магические цветы под чутким руководством Арвина, теперь хранили метки юношеских экспериментов Кая – разноцветные осадки неудачных опытов, застывшие кристаллы и мутные растворы. Книжные полки стонали под тяжестью древних свитков, манускриптов и фолиантов, каждый из которых хранил тайны минувших эпох, ждущие разгадки.

В этих стенах, среди мерцающих пробирок и пожелтевших пергаментов, между строками древних формул и таинственных заклинаний, рос будущий маг. Его судьба, словно узор звёзд на ночном небе, складывалась в тигле научного познания под чутким руководством мудрого наставника.

Неотъемлемой частью этого мира был старый кот Мерлин – молчаливый свидетель всех событий, происходивших в лаборатории. Никто не знал, сколько ему лет; казалось, он существовал здесь всегда, наблюдая за каждым движением Кая своими мудрыми глазами.

И в этом необычном союзе человека и кота, науки и магии, теории и практики формировался тот, кому суждено было изменить мир.

Его собственная коморка-мастерская, где жил Кай, больше напоминала склад забытых вещей, чем дом молодого мага. За стеной у соседей было не так. Там весело щёлкали стабилизаторы, загорались в ряд десятки дешёвых амулетов-ламп, ровно и слаженно работало каждое заклинание, стало привычное, как выпечка хлеба у пекаря. Их мастерская жила звоном монет: каждый готовый амулет отправлялся на рынок, а маги-соседи, улыбаясь, подсчитывали прибыль.

У Кая же всё выглядело иначе. Однажды он сидел за столом, сжав перо так крепко, что кожа побелела на пальцах. Перед ним снова лежал свиток с простейшим заклинанием для очистки воды – формула, известная каждому ребёнку. Всего-то несколько символов и пара жестов. Но стоило ему попытаться переписать её, как в голове закручивались странные ассоциации.

Он наклонился и стал соединять руны тонкими линиями, словно сводя их в уравнение. И чем больше смотрел, тем явственнее видел: эти «священные символы» складывались в строгий порядок. Не просто орнамент – система.

– Здесь... угол, – пробормотал он себе под нос. – А здесь... повторение. Если рассматривать не как руны, а как последовательность... то это ведь ряд. Простейший числовой ряд.

Он выдохнул, удивлённый собственным открытием. Очистка воды, самая банальная формула, которой дети пользовались перед учёбой, вдруг предстала в новом виде – как математическая функция.

Кай сделал осторожный жест и произнёс заклинание, но не так, как учили. Он изменил порядок, переставил акценты, будто решал задачу, а не читал мантру. Вода в пробирке на столе вспыхнула ярким светом – не синим, как обычно, а золотым, словно в ней ожила сама энергия.

Сердце ударило так сильно, что он едва не уронил сосуд.

– Это... – он даже не сразу смог подобрать слова, – это работает. Но не по их правилам.

Он понимал: если соседи узнают, что он ковыряет руны не как все, над ним будут смеяться ещё громче, если не хуже – донесут в Собор. Но в этот миг Кай был уверен в одном: он, наконец, коснулся чего-то настоящего. Его мать... она, возможно, тоже видела это.

Он погасил свет и прикрыл ладонью листы с формулами. В груди зарождалось то чувство, которое он не испытывал годами – не страха и не пустоты, а дрожи предвкушения. Мир магии трескался на швах. И только он слышал, как сквозь руну начинает звучать число. Это было больше, чем успех. Это было открытие. И он подумал: *«Мама знала. Она оставила мне ключ. Магия – это не молитва. Это – число. Функция. Если я разгадаю её до конца, я пойму, куда она ушла. И, может быть, найду её. Надо рассказать Арвину, когда он вернётся из Столицы».*

Глава 3

«То, что кажется неудачей сегодня, может стать трамплином к успеху завтра»

Почти десять лет прошло с того рокового дня, когда мир Кая раскололся надвое. Время шло, раны затягивались, но воспоминания о матери по-прежнему оставалась незаживающей болью в его сердце. Каждый новый рассвет напоминал о её отсутствии, а образ отца, которого он едва помнил, лишь усиливал тоску. Те серые дни, когда он отчаянно искал следы матери в каждой книге, в каждой пылинке дома теперь казались далёким кошмаром. *«Мам, ты же обещала...»* – эти слова больше не эхом отражались от стен пустой комнаты, но навсегда остались в его душе.

Сейчас Каю почти двадцать, и его жизнь уже не похожа на ту бесконечную череду серых теней. Лаборатория Арвина стала его вторым домом, а сам наставник – семьёй, которой у него не было. Три года назад Арвин уехал на магические семинары. И теперь его возвращение должно было вот-вот состояться. В этих стенах, среди пробирок и пергаментов, из растерянного мальчика вырос целеустремлённый юноша. Пустота в его душе постепенно заполнялась знаниями, новым смыслом и мудростью. И хотя шрамы прошлого всё ещё давали о себе знать, Кай научился жить с ними, превращая боль в мотивацию для роста.

Время неумолимо двигалось вперёд, и Каю пришлось научиться выживать в новом мире. Горе и поиски не могли оплатить счета или наполнить дом теплом – пришло время действовать. Собрав волю в кулак, он без промедления окончил школу и начал свой путь к самостоятельности. Первая работа привела его в городскую библиотеку, где он устроился сортировщиком книг. Правда, его эксперименты с магическими заклинаниями для автоматической расстановки томов чуть не превратили строгий каталог в бумажный вихрь. Параллельно он начал давать уроки младшим ученикам. Репетиторство принесло неожиданные плоды: его подопечные быстро превзошли наставника в искусстве простых заклинаний, а «уроки магии» вскоре стали местной легендой.

Так пролетели эти три года. Ожидание возвращения наставника становилось всё тяжелее. Молчание Арвина тяготило Кая, но он не позволял себе отчаиваться.

Эльдора жила магическими услугами: каждый мог заработать на готовых амулетах или бытовых заклинаниях. Коммерческая магия открыла перед Каем неизведанные горизонты, его попытку найти своё место в мире, где магия была не только искусством, но и ремеслом.

– Если уж не гений, то хотя бы ремесленник, – пробормотал он однажды, поглаживая пустую монетницу.

Неделю он корпел в лаборатории, переписывая формулы простого заклинания очистки одежды. На рынке подобные продавались за копейки, но позволяли не умереть с голоду. Семь дней он менял руны, переставлял слова, пытаясь заставить заклинание звучать «как положено».

Результат оказался... мягко говоря, необычным. Стоило активировать формулу, окрашенный плащ, лежавший на столе, вспыхнул узорами, словно его расписали цветными чернилами. Раз за разом Кай получал не чистую ткань, а «шедевры» пёстрых хаотичных рисунков.

– Великолепно, – устало выдохнул он, глядя на очередную тряпку. – Я не маг, я модельер от бедности. Если когда-нибудь кому-то понадобится заклинание «превратить плащ в карнавальный костюм» – я, наконец, разбогатею. Он провёл рукой по спутанным волосам, ощущая, как голод и усталость сводят плечи.

Иногда он думал: стоит ли всё это? Проще было закрыть лабораторию, продать библиотеку матери, сдать Гримуар в Собор и устроиться куда-то в ученики. Но каждый раз, открывая страницу материнских записей, он видел скрытые числа за рунами, ряды вместо загово-

ров, формулы вместо молитв и запретную теневою магию. И в эти мгновения понимал: нет, он не может отказаться. Даже если вместо заклинания очистки одежды у него снова получится ярмарочный плащ с единорогами. И несмотря на то, что соседи смеются, а он сам каждый день балансирует между пустой чашкой и сломанными колбами.

Он не мог остановиться. Потому что где-то под этими формулами в самом корне уравнений ждал ответ. Возможно – о том, где его мать. Возможно – о том, как работает сам мир. Кай закрыл глаза и тихо сказал, словно к самому себе: – Я раскрою это уравнение. Даже если вся Эльдора покроется моими дурацкими узорами.

Внезапный стук в дверь заставил Кая вздрогнуть так сильно, что колба едва не полетела в окно. Стекло жалобно звякнуло, когда он поймал её на лету. «Только не он», – подумал Кай, уже зная, кто стоит за дверью.

И не ошибся. На пороге возник Игорь Ванн – торговец заклинаниями, чья репутация ходила впереди него. Говорили, он мог продать даже чахлую иллюзию за баснословные деньги или уговорить студента купить заклинание для выращивания плесени на собственных носках. Самодовольство струилось с него рекой. Его расшитый серебром пиджак выглядел в трущобах, как павлин на свалке, а мясистые щёки лоснились, будто демонстрируя изобилие на фоне чужой нищеты.

– Кай Нави, – пропел Игорь, растягивая слова как дешёвый сироп. – До меня дошли слухи. Ты решил поиграть в торговца заклинаниями? Ух ты, сам маленький алхимик-ремесленник. Неужели поверил, что кто-то купит твои каракули?

Кай не ответил. Его плечи напряглись, пальцы сжались на склянке. Он и так знал, насколько жалко выглядят его попытки.

– Ну-ка, показывай, – с нажимом сказал Игорь и, не дожидаясь приглашения, ввалился в тесную лабораторию. Его пальцы с торговыми перстнями застучали по столу, будто он уже подсчитывал будущую прибыль... от банкротства Кая. – Но предупреждаю, мой мальчик. Если ты покажешь мне очередную ересь, я могу не полениться и шепнуть кое-что хорошим людям из Собора. У меня ведь там связи. О, такие крепкие... Твои писульки попадут в архив глубже, чем дно омута, быстрее, чем ты скажешь «крякс-брыкс-плюмсик».

Кай протянул ему тетрадь. Каждый лист в ней был пропитан трудом, недосыпами и голодом. Крупные капли пота холодно скатились по виску.

– Ты знаешь, Кай, – наконец проговорил он, откладывая тетрадь словно дохлую крысу, – у тебя талант. Талант создавать то, что даже «безмаги» не купят. Твои заклинания – они... странные. Слишком странные. Может, займёшься чем-то полезным? Зелья от бородавок, например. Только учти, с твоим мастерством бородавки, скорее всего, сбегут сами от ужаса. Игорь полистал записи и заклинания, хмыкая с каждым уравнением и рисунком. Улыбка в его глазах становилась всё шире, но эта улыбка – была недоброй, но издевательской.

Кай почувствовал, как ногти впились в ладони. В груди холодный ком поднимался всё выше. Но он молчал.

– А может! – оживился Игорь, – может, ты создашь заклинание для поиска носков? Или для выращивания морковки в горшке? Вот это было бы по-настоящему полезно! А твои эти... эксперименты с тенями и формулами, – он фыркнул, – кому они нужны? Разве что для ночных кошмаров.

Кай с трудом сдерживал желание активировать одну из своих нестабильных формул, показать Ванну, что его насмешки не останутся без ответа. Но разум подсказывал: зажги он тень своей формулой – и Собор действительно постучит к нему в дверь.

Торгаш встал, отряхнулся и радостно вздохнул: – Брось, Нави. Оставь свои игры. Найди нормальную работу. Три монеты в день лучше, чем твои бумажки ни за грош. А эти формулы... с теневою магией – он махнул рукой. – Сохрани детям для страшилок, максимум.

Он повернулся и удалился, оставив после себя запах дорогих духов и тяжёлый привкус унижения. Кай сидел неподвижно, стискивая тетрадь, словно она весила сотни килограммов. Он понимал: на рынке его странные заклинания никогда не будут иметь ценности. Может быть, мир действительно считал его бездарем. Но глубоко внутри он знал, что эти «ошибки» – начало чего-то большого.

Через приоткрытое окно в комнату ворвался прохладный ветер. Он взглянул на сверкающие шпили Верхнего города и вспомнил слова матери: *«Магия – не в золоте»*.

Да, он не умел делать заклинания, которые покупают толпы. Но у него было другое. Формулы матери. Числа, скрытые за рунами.

И в этот миг впервые зародилось подозрение: если его открытия покажут Собору, то их не засмеют. Их уничтожат.

Кай ещё не знал, что визит Игоря станет первым толчком к опасному повороту. Ведь Ванн, насвистывая и самодовольно ухмыляясь, уже направлялся к башням Магического Собора. В его голове созрел план, как превратить чужую «бесполезность» в звонкую монету.

«Ещё один неудачник в моей коллекции», – думал он, потирая руки. Но он ошибался. В скором времени слово «Нави» перестанет быть именем неудачника. Оно станет вызовом самому порядку мира.

Глава 4

«Донос – это крик трусости, прикрытый маской бдительности»

Магический Собор встречал посетителей величием, что должно было давить и внушать трепет ещё на пороге. Белый мраморный вестибюль уходил ввысь так далеко, что потолка не было видно в туманной магической дымке. Хрустальные люстры мерцали, словно созвездия. В центре бил фонтан, извергая не воду, а струи разноцветной энергии, образующие круги формул, исчезающих прежде чем их можно было разобрать. Всё здесь кричало о всеобъемлющей власти Собора.

Для Игоря Ванна – это место было почти родным домом – но только «почти». Его не впускали в святая святых, не доверяли секретов, считая всего лишь торговцем. Он жаждал большего.

Торговый зал Заклинариума гудел, как улей. Сотни лавок с магическими амулетами и заготовками заклинаний, узоры рун в воздухе, витрины, переливающиеся кристаллами. Левая секция представляла собой рынок для простых смертных: заклинания для огня в камине или очистке посуды. Средняя часть – уже серьёзнее: исцеление, защита, магия здоровья. Правая галерея сияла золотом и мрамором: там продавали настолько редкие формулы, что одна стоила целое поместье.

На верхнем этаже шумела Биржа Заклинаний. Огромный амфитеатр, купола-барьеры для демонстраций заклинаний, торговцы из самых дальних мест Терра Арканы, подключённые через голограммы. Площадка, где магия продавалась с аукциона, как картина или редкий камень. Игорь любил наблюдать за ней, представляя, как однажды и его имя зазвучит здесь.

Но сегодня он пришёл не как зритель, а как игрок.

Проходя мимо библиотечных крыльев, он мечтательно задержал взгляд на Кристалле знаний – огромном ядре, хранящем копии всех формул, доступных Собору. «Вот бы продать такое, – усмехнулся он про себя. – Хватило бы на тысячу жизней».

Он не задержался у подвалов – глубоко под Собором таились лаборатории и, если верить слухам, тюрьмы для «отрёкшихся». Там среди глухих стен, держали тех, кто осмелился поставить под сомнение власть Собора. Стараясь не смотреть на огромные сторожевые двери, Игорь ускорил шаг.

Наконец, он дошёл до восточного крыла – приёмной Декана. Здесь всё было строже, холоднее. За массивным столом из чёрного дерева сидела Майя – секретарь, чья репутация была второй защитной стеной Собора после магических щитов. Её осанка напоминала боевой клинок, волосы, убранные с безупречной строгостью, а глаза казались кусками льда.

– Чем могу помочь? – её голос был холоднее северных льдов. Игорь привычно растянул улыбку, сделав вид, что скользит к ней с той лёгкостью, с какой кошка крадётся к миске молока.

– О, прекрасная Майя! Могу я попасть на приём к вашему Декану? Дело чрезвычайной важности.

– Запись – за неделю. Ожидание – три дня минимум, – без малейшего выражения в голосе отчеканила она, даже не отрываясь от пергамента.

Игорь мгновенно достал из кармана узкую коробочку.

– А если... у меня есть кое-что особенное? Она подняла бровь. Игорь распахнул крышку: ряды конфет, отливающих магическим блеском.

– Конфеты из лепестков магических цветов. Улучшают сон. Придают лицу сияние. И, главное, совершенно редкие. На миг в её глазах мелькнуло колебание. Игорь знал: победа близка.

– Правила существуют, – произнесла Майя, но голос её уже не был ледяным.

– А если информация, которую я несу, способна... изменить кое-что во благо Собора? – он наклонился ближе, мурлыча, как кот, уверенный в добыче. Она взяла конфету, осторожно укусила. Тень улыбки скользнула по её губам.

– Хорошо. Завтра утром. Но учтите – если ваш «секрет» окажется пустышкой, вы больше не переступите этот порог. Игорь расплылся в улыбке.

– Вы не пожалеете. Весьма редкое открытие. Я бы даже сказал – угрожающее миру...

Майя что-то отметила в журнале и вернулась к делам. Игорь же отошёл, сияя от предвкушения. Ведь в его руках был билет наверх – юноша из трущоб, по фамилии Нави.

А где-то в самом сердце Собора, за десятками дверей и залов, ждал человек, которому больше, чем кому бы то ни было, был интересен любой слух о «неправильной магии». Его звали Декан Виктор Растобан – последний из старых магов, хранитель традиции. И он готов был уничтожить каждого, кто посмеет подорвать порядок, созданный Собором.

Игорь и представить не мог: имя, которое он собирался сдать ради монет, вскоре разнесётся по всему миру.

Раннее утро в Магическом Соборе было особенно безмолвным. Коридоры с арочными сводами, усыпанными золотыми символами, тянулись вдаль, словно бесконечные уравнения, вписанные в тело здания. Свет магических ламп едва мерцал, будто сам воздух не хотел тревожить того, кто сидел в сердце Собора.

Игорь Ванн стоял у двери деканата, едва не дрожа от предвкушения. Его костюм безупречно блестел, лицо сияло улыбкой мнимой преданности. Он уже представлял себе, как завтра же его будут встречать в коридорах с уважением, как скептические взгляды служителей сменятся почтительным восхищением.

Он вошёл. Декан Виктор Растобан поднял голову от пергамента и медленно встал из-за стола. Его движения были неторопливыми, как у человека, у которого есть вся вечность. Но в каждом жесте пряталась такая сила, что Игорь замер. Казалось – стоит этому человеку щёлкнуть пальцами, и весь Собор рухнет вместе с ним.

Седая борода, аккуратно подстриженная, словно метка достоинства. Осанка безупречна, взгляд янтарных глаз – тяжёлый, ледяной, прожигающий насквозь. Это был не просто Декан. Это был Собор, одетый в человеческую плоть.

– Ваше высокопреосвященство! – начал Игорь с фальшивой бодростью. – Я пришёл ради важнейшего дела. Для блага нашего мира.

– Говорите, – голос Растобана грянул низким басом. – Не медлите, не пытайтесь украсить.

Игорь сглотнул: слова, заготовленные ещё со вчерашнего вечера, вдруг показались мелкими. Но отступить было поздно.

– Наш... коллега, Кай Нави, сын Риты Кастула... позволил себе... – он замялся, прекрасно понимая, что пауза может стоить ему головы. – Неосторожные эксперименты. Написанные формулы теневой магии.

В янтарных глазах Декана мелькнуло отражение чего-то опасного.

– Тени и формулы, говорите? – интонация была спокойной, но воздух в зале будто плотнее стал. – Я знал, что никогда не сто́ит недооценивать кровь Хранителей.

– Да... – хриплым голосом подтвердил Игорь, стараясь улыбнуться: – Я лишь... я лишь подумал, что долг каждого – вовремя предупредить владык Собора об угрозе. В целях безопасности. Исключительно для сохранения порядка.

Виктор Растобан шагнул вперёд. Его фигура заполнила пространство так, что Игорь почувствовал себя жалкой куклой, которую вот-вот сметут в пыль.

– Преданность, – произнёс Декан глухо. – Это слово приятно слышать. Но я знаю цену каждому, кто приходит ко мне с доносами.

Глаза янтарного цвета впились в кожу, в душу, в самую память Игоря. Казалось, они видят его мысли, все сделки и мелкие предательства, каждую монету, которую он прятал от казны.

– Не думайте, что вам дозволено больше, чем другим, – тихо добавил Растобан. – Я умею отличать преданность от предательства.

Игорь непроизвольно отступил на шаг назад. По его спине пробежал холодок, ноги налились свинцом. Он понял, что вторгся в игру, где сам стал пешкой.

– Вы... займитесь этим мальчишкой, – Растобан обернулся к сияющему кристаллу связи. Его голос стал громче, властнее: – Нави. Имя стоит за ним. Ищейки, к работе. Узнать, чем он занимается. Все записи. Все формулы. Пусть ни одна крупица не ускользнёт от глаз Собора.

Магистры, советники – им не к чему было знать, в какие глубины магии пытался залезть этот юноша. Но Растобан чувствовал: дело серьезнее. Слишком знакомо звучало слово «тени» и «формулы» в этой фамилии. Слишком близко оно подходило к тому, чего бояться все Деканы: к формуле хаоса, разрушившей старый мир однажды.

Игорь Ванн вышел из кабинета, стараясь сохранять уверенную улыбку, хотя сердце колотилось как загнанный зверь. Он мечтал о награде, но теперь чувствовал, будто подписал собственный приговор.

«Может, и не стоило совать свой нос куда не следует», – подумал он, вытирая холодный пот. Но было поздно.

Ведь Виктор Растобан никогда не забывал имён.

Глава 5

«Место, где золото заклинаний не затмевает нищеты, а лишь ярче высвечивает её контуры»

Кай проснулся с тяжёлой головой, будто ночь наложила на него собственное проклятие. Вчерашние переживания, неудачные попытки продать хоть одно заклинание и унижительный визит Игоря Ванна давили так сильно, что даже лёгкий утренний свет через грязное окно казался издёвкой.

Комната была всё той же: скрипучий стул, стол, заваленный материнскими записями, и книги, давно развалившиеся на части. Рядом – её Гримуар, исписанный символами и странными формулами, будто намекавший: «Не ищи золота. Ищи истину».

Он вздохнул, но желудок напомнил о себе сильным спазмом. «Истина, истина... но от неё не купишь хлеба», – решил про себя Кай, наспех натягивая залатанную рубаху. Холод пробирал до костей, ткань не грела, но это не имело значения – впереди был новый день, и нужно было найти хоть какую-то работу.

Он вышел на улицы Эльдоры. Город встречал контрастами: сверкающие сферы света висели над центральными проспектами, тогда как в переулках утро всегда начиналось с вони и копоты. Магия здесь была везде и ни для кого: величественная витрина для богатых и недостижимый товар для бедняков и безмагов. Кай шёл вдоль торговых рядов, чувствуя, как взгляды прохожих скользят по нему – по худому телу в потёртой одежде, по пустым рукам, в которых не было ничего ценного. «В этом городе всё известно заранее. Здесь всё продаётся и всё покупается», – пронеслось в голове Кая.

Иерархия Эльдоры будто дышала вместе с улицами. Наверху – Хранители Силы и Верховные Маги Собора. Избранники, рождённые с чистейшей кровью и врождённым даром. Они ходили по городу, словно тени богов. Их одежда всегда была безупречно чистой, будто сама пыль боялась их касаться. Им ничего не нужно было покупать – всё приносили им другие.

Чуть ниже – магистры-коммерсанты, кормящиеся от продаж чужого таланта. Они были как пауки: не создавали паутину сами, а ловко переплетали чужие нити. «Не можешь колдовать – продай того, кто может» – их неизменное правило. Игорь Ванн – один из них. «Для таких я всегда буду лишь дураком, который не умеет вписаться в рынок», – скривился Кай.

Ремесленники – те, кто по-настоящему создавал. Старательно и упорно. Зачаровывали вещи, стабилизировали амулеты, корпели над зельями. Они редко богатели, но хотя бы жили честно и в достатке. Учителя – сидели раньше времени, объясняя новичкам, что превращение камня в золото – это миф, и всё равно слушали, как их спрашивают об этом на каждом уроке.

Были и такие, как Кай. Маги-неудачники. Те, кто не умел делать деньги из силы, чьи заклинания были слишком странными, чтобы совпадать с чеканным идеалом рынка. Их все жалели и смеялись за спиной. «Мы в авангарде времени», – так они оправдывались. На деле их опережало само время, оставляя позади.

И, наконец, самые многочисленные – безмаги. Большинство. Работяги: сапожники, грузчики, каменщики. Те, кто смотрел на магов снизу-вверх, как зрители на актёров в театре. Им оставалось лишь ждать: может быть, их ребёнок родится «одарённым». В противном случае – тяжёлая работа на чужих условиях до конца дней.

Кай шёл среди людей и видел всё это. Это был город-пирамида. И где-то в её тёмных углах уже зарождались трещины. В тавернах шёпотом говорили, что магия не должна быть средством наживы. Что сила должна принадлежать каждому, а не только избранным. Шёпот был тихим, еле слышным, но он рос – день за днём, месяц за месяцем.

Кай этого шёпота не слышал – у него звенело другое: голод, усталость, страх завтрашнего дня. Он думал лишь об одном: найти хоть какой-нибудь заработок. Но сердце, словно вторило словам матери, снова и снова напоминало: «Магия не измеряется в золоте». Слова, которые вчера казались ему насмешкой, вдруг обрели иной вес. Может, именно в них скрывался ответ? Может, «ошибочные» заклинания, его странные формулы – это не провал, а начало?

Имя Кай Нави уже вплеталось в ту самую ткань, что скоро разорвётся на части. Он ещё не знал. Но уже сделал шаг к тому, чтобы узнать. Эльдора сияла и гнила одновременно. Искры будущего протеста загорались там, где никто не смел смотреть.

Серые камни мостовой будто насмехались над Каем, гулко отдаваясь под ногами, напоминая о тяжести его шагов и пустоте в желудке. Туман утреннего ливня ещё стелился по улицам, заставляя дома казаться тенями старого, рушащегося храма. Торговцы-безмаги, раскладывая скудный товар – обветшалые сапоги, зачерствелый хлеб, несколько амулетов дешёвой подделки – косились на худого юношу в залатанной одежде.

Кай заходил в лавки, предлагал себя хоть на что-то: – Помощником на кухню, грузчиком, уборщиком... хоть мытарем, – твердил он, кланяясь каждому хозяину. Но ответы были одинаковыми: – Маг без таланта? – ироничная усмешка, словно плевок. – Нам такие не нужны.

К полудню силы окончательно оставили его. Он рухнул у края лужи, вглядываясь в мутное отражение. Вода трепетала в слабом ветре и казалась зеркалом, показывающим чужую, надломленную жизнь. И вдруг – тяжёлая рука коснулась плеча. Тёплая, но властная, будто поддерживающая и одновременно проверяющая, насколько крепко он ещё держится. – Эй, парень, – голос хриплый, но добродушный.

Перед Каем стоял высокий, чуть сутулый старик, широкоплечий даже под грузом лет. Седая борода касалась груди, а серые, внимательные глаза смотрели прямо, без тени презрения. На его руках красовались глубокие мозоли, на одежде – пыль стройки.

– Ты ищешь работу? – спросил он, изучая Кая так, словно разглядывал камень, который мог стать или булыжником, или драгоценным минералом.

Кай поднялся, качнувшись от слабости. Но в его глазах, угасших за последние годы, сверкнула маленькая искра.

– Я могу работать. Любая работа... – он тяжело сглотнул. – Главное – на еду хватит. Старик усмехнулся, в уголках глаз мелькнули морщинки, похожие на солнечные лучи.

– Слышу в голосе твоём не жалость, а упрямство. Это редкость. Что умеешь делать?

– Всё, что потребуется. Камни таскать, стены чистить, конюшни – хоть навоз месить.

– Видно, не из тех, кто просит просто так, – старик кивнул. – Обычно такие мальцы не предлагают тяжёлую работу, а только жалуются.

Он протянул руку: – Томас Нунки. Каменщик. Держу бригаду в Южном квартале. У меня как раз место освободилось. Работа грязная, но честная. Платить буду немного, но исправно. Рукопожатие было крепким – настоящим, грубым, немагическим. В этом простом жесте было больше доверия и надежды, чем в сотнях заклинаний.

– Кай Нави, – представился он, глядя в серые глаза Томаса. В этот миг словно невидимая нить соединила их: юношу-мага, забитого и голодного, и старого безмага, чьи руки созидали камень, на котором стоял весь город.

Кай не знал, что этот случайный союз станет важнее многих чар. Ведь именно среди простых каменщиков и ремесленников, людей, которых Собор считал ничтожествами, зарождалась искра протеста. Искра, однажды способная разгореться в пламя. А пока... это была работа. Хлеб. И первая рука, протянутая ему без насмешек.

Глава 6

*«В поисках нового мы находим не только мир вокруг, но и себя
внутри»*

Томас шагал уверенно, с прямоотой человека, прожившего жизнь в тяжёлом труде. Кай следовал за ним, впервые за долгое время ощущая проблеск чего-то похожего на надежду. Не мечту о богатстве или признании, а простое обещание: сегодня он сможет поесть. Закат обнимал город длинными тенями, укладывая их на мостовую, как тёмные лоскуты ткани. Кай заметил свою тень – вытянутую, тихо тянущуюся вслед. И вдруг уловил странное ощущение: как будто этот силуэт живёт своей отдельной жизнью, но при этом верно следует за ним. Он улынулся. Впервые за долгое время мысль о тенях не вызывала страха.

Стройка в Южном квартале встретила их шумом, каменной пылью и запахом влажного известняка. Мужчины без магии – простые каменщики – сгружали булыжники с повозок, выкладывали первые стены будущего дома. Магия здесь почти не использовалась: Собор считал подобные трущобы недостойной траты редкой энергии. Всё держалось на мускулах и упорстве.

– Берись за камень, парень, – сказал Томас, кивая на груды булыжников. Его плечи вздрагивали от напряжения, но голос был ровным, уверенным.

– Здесь неважно, сколько у тебя силы. Важно, сколько раз сможешь поднять и не сдаться. Кай кивнул. Он понимал: эта работа не сделает его уважаемым магом и не приблизит к тайнам Собора. Но сейчас она была честнее любой сделки.

Он поднял первый тяжёлый камень – позвоночник болезненно откликнулся, руки задрожали. Но в тот момент, когда Кай уже собирался выронить груз, он заметил то, что заставило его сердце забиться быстрее. Его тень вытянулась, словно потекла по земле и мягко обвилась вокруг тёмного силуэта камня. Она дрожала, но держала. Груз стал легче. Не чудо – разница была едва уловимой – но она была. Кай поставил камень, уставился вниз. Его тень словно дышала, чувствовала его боль, его напряжение... и пыталась помочь. Сначала он решил, что это обман света фонарей. Но стоило поднять следующий кусок стены, как тень вновь удлинилась и протянулась к камню. Она скользнула по земле, обвила его контур, как сеть, поддерживающая ношу.

– Ты быстро учишься, – заметил Томас, проходя мимо и ставя собственный камень в ряд. Его глаза на миг задержались на ногах Кая, и в этом взгляде мелькнуло странное подозрение. Но старик ничего не сказал.

Кай же продолжал работать – но теперь он экспериментировал. Он нарочно замедлял движения, выворачивал руки иначе, подбирал камни под разным светом. И всякий раз тени отзывались на его движение. Реагировали, предугадывали. Удерживали. Они могут помогать.

Томас подошёл и положил тяжёлую ладонь ему на плечо.

– Неплохо, парень, очень неплохо, – произнёс он негромко. В его взгляде, внимательном и чуть насторожённом, словно он видел больше, чем сказал, промелькнуло что-то. – Но помни: главное на работе – не сила. Главное – надёжность. Посмотрим, какой ты в этом. Кай кивнул. Но внутри него уже плескался новый огонь. Его тени откликнулись на труд, на созидание. Этот дар не был приговором. Он был ключом. И теперь парень чувствовал: он нашёл не только работу, но и первый намёк на то, зачем его сила нужна на самом деле.

Вечер застал стройку уставшей и затихшей. Ровные шеренги камней создавали впечатление, будто здание рождается прямо из земной тверди. Рабочие разошлись, оставив за собой шум шагов и запах пота.

– Пойдём, – сказал Томас, бросив на Кая взгляд, в котором смешались усталость и одобрение. – После работы еда нужна больше всего. У меня есть место. Таверна внизу улицы, там все свои.

Кай и не сопротивлялся. Его ноги дрожали, мышцы ныли, но душа впервые за долгое время была спокойна. Здесь, среди людей, простоты труда и каменной пыли, он почувствовал себя нужным.

Таверна встретила их дымом от жаровни, гулом голосов и запахом дешёвого пива. Рабочие сидели за деревянными столами, гремели кружками, смеялись, спорили. Кая сразу обдало ощущением – это место живое. Здесь никто не оглядывался на Собор, никто не пытался продать заклинания. Здесь просто ели, пили и говорили правду.

– Эй, Томас, ещё одного ученика взял? – окликнул их кто-то с угла. – Парень толковый, – коротко бросил Том. – Работает лучше, чем многие.

Кай сел, обхватив кружку обеими руками, и слушал. Вначале – шутки. Потом – истории о работе. Но чем глубже ночь, тем тише становились разговоры. В углу двое безмагов, наклонившись к столу, говорили почти шёпотом: – Слышал, недавно опять вспыхнуло. Жена соседа погибла. Собор молчит, а маги лишь на цену смотрят... – Всё должно измениться. Магия не должна быть товаром. Она должна быть для всех... для всех! – ...они строят дворцы, а мы живём в лачугах, прямо на лей-линии...

Кай замер. Эти слова били в самое сердце. Перед глазами вспыхнули строки матери: «Магия не измеряется в золоте». Он впервые понял, что эта мысль не только её – она витала у самых низов города, глухо, как шёпот подземных вод.

Томас незаметно посмотрел на него: – Слушай, но не спеши говорить, – тихо буркнул он. – Ушами слушать всегда безопаснее, чем ртом... особенно тут. Кай кивнул. Он чувствовал новую силу в этих тихих разговорах. Что-то рождалось под кожей города, медленно, но верно.

Он не знал одного. За дверью таверны, в тумане вечерних улиц ждали двое. Лица скрыты капюшонами, взгляд холодный. Они не пили, не смеялись, их руки не были покрыты мозолями, как у рабочих. Но каждый их шаг был выверен. Серебряные браслеты с клеймом Собора мелькали в свете фонарей – оковы и символы власти. – Мы нашли его, – прошептал один. – Нави. – Наблюдать. Пока не вмешиваться, – ответил другой. – Декан хочет знать всё. Кто он, с кем общается, чем живёт.

Они растворились в тенях, но взгляд их не отпускал дверь таверны.

А внутри Кай улыбнулся впервые за много дней. Он ещё не подозревал, что за дверным порогом уже притаились чужие глаза. Что каждый его шаг теперь вписан в новый отчёт для Собора.

Томас хлопнул его по плечу: – Ну что, парень. Добро пожаловать в настоящую жизнь. И Кай поверил. Хотя настоящая жизнь только начиналась.

Глава 7

«В усердном труде таится магия преобразования обычного в необыкновенное»

Утро снова застало Кая на стройке. Тело ломило от усталости, но ощущение хлеба на столе и крепкие слова Томаса вчера дали ему то, чего давно не было – желание идти вперёд.

– Эй, парень, держись ближе к бригаде, – крикнул старый каменщик. – Сегодня кладём арки. Тяжело, но важно. Кай, засучив рукава, сгибался под тяжестью камней, чувствуя, как мышцы горят. Но где-то внутри упрямство шептало, что он справится. И снова, как вчера, тень под ногами отзывалась на его напряжение.

Сегодня всё было иначе: она стала явственнее. Когда он пытался поднять особенно тяжёлую плиту, кромка её вдруг будто «слиплась» с тенью от его рук. Сила тяжести ослабла – плита послушно поддалась, и Кай поставил её в нужное место. Всё произошло так быстро, что рабочие ничего не заметили. Кроме одного. Томас, стоявший рядом, нахмурился. Его взгляд задержался на земле, где тень Кая всё ещё словно колыхалась, запаздывая за телом. Старый каменщик ничего не сказал, только перевёл глаза на Кая и кивнул: – Молодец, парень. Так держать. Но Кай почувствовал: Томас видел больше, чем показал.

И всё же настоящая угроза таилась не в словах Томаса. На крыше полуразрушенного дома, через улицу от стройки сидел человек в чёрном плаще. Его лицо скрывал капюшон, лишь поблёскивала в солнечных бликах серебряная пластина на руке – знак Собора. Он неторопливо разворачивал магический кристалл-зеркало. В его поверхности отражалось всё происходящее на стройке, словно он сам стоял рядом.

– Видишь? – прошептал он другому тёмному силуэту за его спиной. – Он играет с тенями.

– Подтверждаю. Магия нестабильная, экспериментальная. Доклад Декану будет сегодня же.

Стекло кристалла засияло, на нём проступили строгие буквы кодов. Всё, что делал Кай, вплеталось в архив Собора: «Объект К.Н., подозрение на использование теневого формул. Степень опасности – умеренная. Рекомендация: усилить наблюдение».

Работа продолжалась. Кай помогал грузить камни, слышал шутки рабочих, вдыхал запах извести и пыли и даже позволял себе улыбку. Для него это был день маленьких побед. Он не знал одного: каждая победа теперь оборачивалась доказательством в его личном деле. – Интересно. А высоко в башнях Собора декан Виктор Растобан уже получал первую весть. Янтарные глаза бегло пробежали по отчёту, и холодная усмешка коснулась его губ.

После трёхлетней разлуки Арвин, наконец, вернулся в Южный квартал. Официально он изучал магические артефакты в столице, но на самом деле провёл это время в тайных встречах с Магистрами Ордена Свободной Магии. В тот вечер Кай, закончив работу, направился в мастерскую своего наставника. Сердце билось чаще – он так долго ждал этой встречи. Арвин оставался единственным настоящим магом в квартале, не подчинившимся системе. Происходя из древнего рода Хранителей Силы, он сознательно отказался от власти и богатства ради простой жизни среди обычных людей.

Когда Кай вошёл в полумрак мастерской, Арвин отложил свои занятия и поднялся навстречу. Их взгляды встретились – взгляд учителя, полный гордости и взгляд ученика, сияющий от счастья.

– Мой мальчик! – Арвин обнял Кая, и в этом жесте было столько тепла и нежности, что юноша на мгновение забыл обо всём на свете.

– Как же ты вырос! Кай почувствовал, как ком подступает к горлу. Он крепко обнял наставника в ответ.

– Мастер... Я так скучал, – признался он, отступая на шаг. Арвин улыбнулся, провёл рукой по его волосам, как делал в детстве.

– Я тоже, мой юный исследователь тайн. Садись, рассказывай, как жил без меня.

Они сели друг напротив друга. Тени плясали на стенах, дым от котла смешивался с ароматом редких трав и той особенной ауры – запаха древней магии, которую почти забыли за пределами Южного квартала.

– Многое произошло, – начал Кай, но голос предательски дрогнул. – Я... я думал о вас каждый день.

– Знаю, – просто ответил Арвин. – Я чувствовал твою тоску даже на расстоянии. В мастерской воцарилась особая атмосфера – доверия и тепла, которой так не хватало Каю все эти годы.

– А теперь расскажи мне о своих открытиях, – попросил Арвин, наклоняясь ближе. – Я вижу, твоя сила пробудилась.

Кай вздрогнул. – Вы знаете?..

– Конечно, – ответил мастер просто. – Тень позвала тень. Я чувствую, как твоя сила пробудилась. Кай оживился, начал делиться своими находками, и постепенно разговор перешёл от теневой магии к формулам и числам.

– Я знаю больше, чем многие. – Арвин сел напротив, сложив длинные пальцы в замок. – Мир считает магию даром, случайной прихотью крови. Но я уверен – она закономерность. Формула. Система. Всё, что мы называем заклинаниями, – лишь искажённые записи древней истины. Кай ощутил, как земля уходит из-под ног. Эти слова совпадали с его собственным открытием. То, что он боялся даже мысленно произносить, вдруг прозвучало вслух.

– Формула... – выдохнул он. – Я видел это. В символах старых заклинаний. Это не молитвы, не священное наследие... это числа.

Арвин усмехнулся и кивнул. – Верно. Ты начинаешь видеть сквозь иллюзию. Магия не золото, не товар. Она математика мира, вырезанная в каждом камне, в каждой тени. Но будь осторожен... Тех, кто смотрит глубже дозволенного, Собор всегда сжигал в первую очередь.

– Но, если это правда, если магия – формула, мы можем изменить всё. Мы можем... – он запнулся. – Освободить людей. Внутри Кая смешалось всё – радость, что кто-то понимает его, и страх.

Арвин посмотрел на него внимательно, в его взгляде мелькнула искра, почти одобрение, но он резко опустил глаза.

– Пока – молчи. Даже стены здесь умеют слушать. Кай хотел спросить «почему», но понял, что мастер сказал не просто так. Он напрягся.

– Но как же...

– Тише, – наставник положил руку на плечо ученика. – Мы справимся. Вместе. Как всегда.

В этот момент за стеной послышался тихий скрип. Арвин мгновенно собрался, погасил огонь, и комната погрузилась во тьму.

– Помни, – прошептал он. – Ты не один. У тебя есть я. Кай кивнул, чувствуя, как тепло встречи даёт ему силы противостоять грядущим испытаниям. Вдруг тени в комнате качнулись. Кай понял – где-то совсем рядом стояли двое. На базаре он бы принял их за прохожих, но теперь точно знал: это люди Собора. Их взгляды прожигали, хоть стенка и скрывала их фигуры.

Арвин чуть улыбнулся и сказал громче: – А теперь, ученик, иди работать. Завтра продолжим. В тот же миг платяной шкаф в углу вдруг мягко скрипнул и открылся – внутри оказался выход через заднюю калитку в узкий проулок. Кай замешкался, но Арвин взглядом велел ему

уходить. Он вышел. И в тот момент понял: его путь действительно изменился. А значит, он становится тем, за кем уже началась охота.

Глава 8

«В тени потерь мы находим свет новых возможностей»

Ночь в Южном квартале была густой, тяжёлой. Сырой туман стелился по земле, гасил фонари, делая улицы похожими на трещины в теле города. Для обывателей это был обычный вечер, но для двоих людей в серых плащах – рабочая смена.

Они стояли в тени напротив мастерской Арвина, сливаясь со сгнившей стеной заброшенного дома. Их лица были скрыты масками, глаза – глубоко в капюшонах, но каждый жест говорил о собранности, привычке и холодной выучке. Один держал в руках зеркало-наблюдатель – полированный диск с вязью формул по краю. В отражении плавали смутные образы: Кай за столом, Арвин у котла, их слова слышались искажённым шёпотом, будто ветер сам выдавал тайны хозяев мастерской.

– Слышал? – прошептал первый. – Он говорит о формулах. О том, что магия – числа. Это ересь в чистейшем виде.

Второй медленно кивнул. – А старик Арвин ещё жив? Я думал, его давно забрали.

– Старых Хранителей не так просто сломать, – хмыкнул первый. – Но теперь у нас есть доказательство: он учит мальчишку.

Тот, что держал зеркало, осторожно чертил пальцем по его поверхности. Шёпоты внутри сплетались в запись, строки мягко выжигались в отражении: «Нави Кай. Сын Риты Кастула. Подтверждён контакт с Мастером Арвином, изгнанным Хранителем. Обсуждение формул реальности. Подозрение: разработка новой магической системы, связь с Орденом не доказана».

– Этого хватит, чтобы Собор вцепился в него зубами, но нет оснований для ареста, – разочарованно сказал второй.

Первый поднял глаза, тёмные и холодные:

– Значит, будем ждать. Повисла пауза. Где-то во дворах раздался смех подвыпивших моряков, грохот опрокинутой бочки, и снова воцарилась тишина.

– Да, – наконец ответил второй. – Декан Растобан хочет наблюдать. Он играет вдолгую. Такие, как Нави, либо сами себя сжигают, либо становятся приманкой для других. Пусть работает. Пусть раскрывается. Нам нужно узнать не только, на что он способен, но и кто ещё разделяет его ересь.

Зеркало-запись погасло, спряталось в ткань плаща. Два силуэта медленно отступили в туман, растворились так, будто их никогда и не было.

В мастерской повисла тяжёлая тишина. Арвин неподвижно сидел перед потухшим очагом, его взгляд был устремлён в пустоту. Тени играли на его лице, словно пытаясь скрыть то, что он знал. Он понимал – его время на исходе. Магический Собор уже получил донос о его связях с Орденом Свободной Магии. Арест был лишь вопросом времени.

Арвин чувствовал, как тикают часы не только его собственной судьбы, но и судьбы Кая. Предупреждение пришло слишком поздно – слова, произнесённые в этой комнате, уже разлетелись по городу, как искры от костра. В его сердце росла тревога за ученика. Времени оставалось катастрофически мало. То, что он планировал передать Каю, могло не успеть укорениться в его сознании. Опасность нависла над ними обоими, но Арвин не мог позволить страху взять верх.

Он знал: теперь каждое слово, каждый урок могут стать последними. И это осознание придавало его действиям особую остроту и значимость. Судьба Кая зависела от того, насколько быстро юноша сможет усвоить всё, что хранил в себе его наставник. Арвин глубоко вздохнул,

собираясь с мыслями. Решение пришло само собой – он должен передать как можно больше знаний до того, как за ним придут. И он должен подготовить Кая к тому, что грядёт.

Утро в Южном квартале начиналось, как обычно. Магические фонари на строительной площадке ещё мерцали холодным голубым светом, разгоняя остатки ночи. Камни, покрытые росой, блестели, и, казалось, будто сам город снова вырастает из костей земли.

– Ну что, парень. Работа в руках, а не в мечтах. Покажи, чего стоишь. Кай поднялся на леса вслед за Томасом. Старый каменщик, вечно угрюмый, но надёжный, поправил ремень с инструментами и произнёс сдержанно, почти по-отечески.

Кай поднял первый блок. Камень был тяжёлым, и юноша почти потерял равновесие. Но в тот же миг тени у его ног начали дрожать и тянуться вверх. Едва различимое движение помогло ему удержать груз – и камень лёг на место легче, чем ожидал. – Что это со мной? – прошептал он, больше самому себе. Кай вытер пот со лба и взглянул вниз. Тени колыхались, будто слушая его дыхание.

Томас заметил, как ноша странно легко далась Каю. Исподлобья посмотрел на него и пробормотал: – Любопытно... никогда такого не видывал. Будто сама ночь помогает нам строить стены.

Кай промолчал. Он чувствовал, как весь день его дар – тени – приходят на помощь. Они удерживали балки, помогали корректировать упавший камень, подхватывали на миг непосильный груз. Пока обычные рабочие видели лишь труд и пот, Кай открывал невидимую сторону самого мира.

К вечеру его тело ныло от усталости, но душа была полна ликующего волнения. Впервые за долгое время он чувствовал, что его сила не только проклятие и не ересь, но и что-то полезное, нужное – часть созидания, а не разрушения.

Когда закат окрасил стены города красным, Кай оказался у знакомой двери – мастерской Арвина. Он глубоко вдохнул и постучал. Ответа не последовало. Только из приоткрытого окна доносилось мерное бульканье котла. – Мастер Арвин? – позвал Кай. Дверь подалась неожиданно легко, словно её только что толкнули изнутри.

Полумрак встретил юношу гнетущей тишиной. Всё вокруг казалось прежним: на полках – книги, на столе – развешенные травы, свитки и амулеты. Но воздух был другим – слишком густой, резкий, с оттенком гари. Над котлом поднимался дым. Чересчур чёрный, вязкий, как тень, выбравшаяся в мир.

На подоконнике сидел серый кот мастера – Мерлин. Его круглые глаза безотрывно смотрели на Кая. – Мерлин? – шёпотом сказал юноша. Кот спрыгнул и медленно направился внутрь комнаты, то и дело оборачиваясь, как будто звал за собой. Сердце Кая замерло, когда он среди привычных стопок бумаг наставника заметил краем глаза что-то необычное на рабочем столе. Приблизившись с осторожностью охотника, он разглядел сложенный вчетверо лист пергамента, едва прикрытый старым свитком. Пальцы дрожали, когда он разворачивал записку. Буквы, написанные знакомым почерком Арвина, словно прыгали перед глазами.

«Дорогой Кай, если ты читаешь эти строки, значит, моя догадка оказалась верной. Я знал, что этот день придёт, но надеялся успеть подготовить тебя лучше. Запомни: в этом мире нет тех, кому можно полностью доверять. Особенно теперь. То, что ты узнал о магии – лишь вершина айсберга. Тайны твоей матери глубже, чем ты, можешь себе представить. Они связаны с древними силами, которые многие хотели бы уничтожить или поработить. В моём кабинете, на третьей полке слева от окна, спрятан особый амулет. Он ключ к пониманию. Следуй за его светом, он укажет путь к истине. Тени знают больше, чем кажутся. Прислушайся к ним. Они твои союзники в этом тёмном деле. Помни всё, чему я тебя учил. Особенно то, о чём мы молчали. Твой путь только начинается. Будь сильным. Будь осторожен. Арвин»

Последние слова повисли в воздухе, словно эхо далёкой битвы. Кай почувствовал, как холод пробежал по спине – записка пахла дымом и чем-то ещё, чем-то, что он не мог определить, но что наполнило его душу недобрым предчувствием.

Кай бросился к указанной полке и увидел амулет: серебряный медальон неправильной формы, с рунами, струящимися по краю, и чёрным камнем в центре. Камень не отражал свет – он отражал тьму. Когда амулет оказался в руках, Кай ощутил покалывание, как будто металл узнавал его. На обороте, выгравированная тонкими линиями, читалась надпись на древнем языке: «*Lucem serva per tenebras, umbra est veritas*» («Держи свет сквозь тьму, тень – истина»).

Он надел амулет на шею – тот лёг на грудь так естественно, словно всегда принадлежал ему. В тот же миг тени в мастерской зашевелились, пульсируя в такт лёгкому свету камня. Мерлин, наблюдавший с подоконника, издал короткое мяуканье – одобрительное и тревожное одновременно.

Кай понял: Арвина арестовали. Но он оставил ему ключ. И теперь его собственный путь неразрывно связан не только с тенями, но и с тайной матери, которая вдруг стала куда ближе и страшнее. Он прижал кота к груди, затем посмотрел на стены, где тени будто приглашали его идти за ними дальше, вглубь ночи. Он понял – пути назад нет.

Глава 9

«В спокойном ожидании – великая мудрость принятия»

Подземелья Магического Собора утопали в густом полумраке. Толстые стены здесь будто вбирали в себя свет, а высокие своды давили тяжестью веков. Единственным источником освещения служила бронзовая люстра с заключённым в неё кристаллом чистого сияния – его холодный свет рождал на стенах пляшущие узоры теней, будто древние письмена, неведомые никому, кроме Бога и Хаоса. За массивным столом из чёрного дерева восседал Виктор Растобан – Декан Магического Собора. Величественный и неподвижный, словно каменное изваяние, он был живым воплощением власти. Его седые волосы были приглажены до безупречности, янтарные глаза горели холодным пламенем. Ни дрожи рук, ни лишнего движения – лишь стальная неподвижность, от которой веяло скрытой яростью.

Перед ним стоял мастер Арвин, закованный в магические наручники. Его спина оставалась прямой, голова – гордо поднятой, словно цепи были лишь украшением, но не оковами.

– Мастер Арвин... – голос Растобана разнёсся по залу, будто раскат грома в горах: – Я ожидал большего почтения от человека с вашим именем.

Арвин вскинул глаза на Декана. Его взгляд был твёрдым: – Я не совершил ничего противозаконного.

На мгновение уголок губ Виктора дрогнул – тень насмешки.

– Ничего? – он поднял со стола пергаменты и перелистал их с ледяной тщательностью. – Связь с беглыми магами. Контакты с носителями тёмных искр. Обучение юного Нави техникам, которые мы признали опасными. И вы называете это «ничего»?

– Я помогал тем, кто нуждался в помощи, – спокойно ответил Арвин. – Я передавал знания. Магия – это искусство и наука, а не кандалы и ярлык товара.

– Искусство?! – его голос был полон презрения и ярости. – Ваши эксперименты с тенями – это угроза, это хаос! Растобан с силой ударил ладонью по столу, и звук разлетелся, будто удар молота о наковальню.

– Мои опыты – это попытка понять суть вещей, – возразил Арвин. Его голос не дрогнул, хотя тени вокруг будто сжались ближе. – Я искал решения, которые помогут людям.

– Людям?! – Растобан поднялся, и его фигура вознеслась над залом, потянув за собой всю тьму подземелья. – Нет, Арвин. Ты искал власть. И скрывался за красивыми словами! Думаешь, я не знаю о попытке проникновения в Тайный архив? О твоих тайных собраниях с беглецами? Ты посмел коснуться знаний, которые были заперты ещё до твоего рождения!

– Я искал не власть. Я искал дорогу для тех, кто живёт в нищете, для тех, у кого власть забрала право на свет. Если это преступление – да, я виновен. Цепи на руках Арвина дрогнули, когда он сжал кулаки. Но он не опустил взгляд.

– Ты виновен, – холодно отрезал Растобан. – Виновен в ереси, в гордыне, и в том, что обучал мальчишку, которому лучше бы гнить в грязи.

Он сделал резкий знак рукой, и двери распахнулись. В зал вошли стражи в броне цвета мрака, с факелами и зачарованными копьями. Их шаги были гулкими, как звон надгробных плит.

– Увести, – приказал Растобан. – Глубже. В темницу Морнагар. Пусть страх станет его единственным собеседником.

Арвин вскинул голову и громко сказал, чтобы слышали даже стражи: – Ты можешь запереть меня в подземельях, Виктор, но не истину. Тайны не умирают в темноте – они прорываются наружу. Всегда.

Глаза Растобана сверкнули не просто яростью – ненавистью. Он наклонился к Арвину, и его шёпот был страшнее грома:

– Здесь, в Соборе, правды не существует. Существует только порядок. Мой порядок.

Стражи выволокли мага прочь, цепи со звоном ударились о каменные плиты, пока шаги не растворились во тьме. Зал вновь накрыла мёртвая тишина.

Растобан долго стоял у стола, затем медленно достал чистый лист с золотой печатью Собора. Его перо скользнуло по поверхности бумаги, оставляя строгие строки. *«Достопочтенный Лорд Дориан Блэквелл. Верховный Инквизитор Магического Трибунала...»* Слова ложились одно за другим, как приговоры. О захвате Арвина. О его связях с ересью. Об «Ордене Свободной Магии». И главное – об имени, которое всё всколыхнёт: Кай Нави.

Растобан поставил свою печать – три переплетённых змеи, символ абсолютного контроля, кусающих друг друга за хвост. Вызвал гонца и, не меняя выражения лица, произнёс: – Это письмо ты доставишь в течение суток. Если оно придёт позже – вернёшься без головы. Гонец побледнел и поспешно исчез в темноте.

Виктор остался один. И тогда впервые за вечер позволил себе жестокую улыбку. «Теперь игра началась» – подумал он. Когда гонец исчез в тумане подземных коридоров, Виктор Растобан долго сидел в тишине, глядя на потухший кристалл. Тишина была почти священной – мраморные стены, обитые тканью с магическими узорами, подавляли каждый звук. В этом гробовом молчании особенно отчётливо звучали собственные мысли: «Это только начало, мальчишка. Ты узнаешь, что бывает с теми, кто не желает жить по законам Собора».

Он поднялся и неторопливо прошёлся вдоль длинного ряда факелов. Пламя не отбрасывало ровного света – каждая тень выглядела живой, словно издевалась над ним. Обычно Растобан любил тьму: она скрывала чувства, оставляла только власть и холодный рассудок. Но сейчас его сердце билось немного быстрее.

Имя Дориана Блэквелла не произносили громко даже в стенах Собора. Верховный инквизитор считался живым мифом: там, где он появлялся – исчезали ордена, города, а порой даже целые фамилии. Он обладал полномочиями карать без суда, его методы были настолько жестоки, что о них предпочитали рассказывать шёпотом, как детские страшилки. Но именно поэтому Растобан выбрал его. Если Кай Нави – это опасность, она должна быть уничтожена в корне.

А тем временем... Глубоко в каменных недрах Собора, в одной из кельев-темниц Морнагар, Арвин сидел прикованным к стене магическими цепями. Его дыхание было ровным, взгляд – ясным. Он не выглядел побеждённым, хотя тьма каземата проглатывала даже тени.

– Значит, они узнали, – произнёс он вполголоса, сам себе. – Всё равно... время пришло.

Он прикрыл глаза, и на мгновение ему показалось, что он снова видит лицо Риты Кастула – матери Кая, исчезнувшей много лет назад. Не призрак, не галлюцинация – а настоящая вспышка памяти. – Он ещё ребёнок, – прошептал он. – Но тьма уже тянется к нему. И свет тоже. Кай... тебе придётся сделать выбор раньше, чем я думал. Оковы на руках заскрежетали, откликаясь на каждое слово.

А далеко на поверхности, в Южном квартале, Кай в этот самый час возвращался со стройки. С усталыми руками и пылинками каменной крошки в волосах он всё ещё не знал, что именно сейчас нижние этажи Собора решили его будущее. Шпионы, прилипшие к его тени, уже фиксировали каждый шаг. Протокол был начат. Его имя вошло в список наблюдения. И над всем этим грозовой тучей нависало прибытие Блэквелла.

Глава 10

*«Тени хранят секреты мира, и тот, кто умеет их слушать,
познаёт истинную мудрость»*

Ночь опустилась на Эльдору как тяжёлый плащ. Фонари центральных улиц ещё горели ровным белым светом, но в Южном квартале они дымили, мигали, и лишь редкие тусклые лампы едва разгоняли тьму. Кай стоял у порога мастерской Арвина, держа на груди амулет. Серый кот Мерлин сидел у его ног и тоже смотрел в темноту. Тени вокруг не были хаотичными – наоборот, они будто ждали знака. И знак пришёл.

Амулет нагрелся, едва заметное свечение чёрного камня стало мерцанием. Тени на стенах вытянулись в одну сторону – в сторону узкой улицы, ведущей к старым развалинам. Кай шагнул. Тени поползли по земле, как вода, открывая ему путь. Сначала это походило на обычную прогулку по тёмным аллеям. Но вскоре он понял: улицы закрутились иначе. Там, где он ожидал тупик, открывался новый коридор. Там, где должен был быть ярко освещённый рынок, свет уличных фонарей тускнел и оставлял только бесконечный ряд стен. Кай шёл, и казалось, что город перестраивается вместе с каждым его шагом. Мерлин шагал рядом бесшумной лапой, не отставая ни на дюйм. В какой-то момент Кай заметил: он больше не слышит звуков города. Ни смеха в тавернах, ни лая собак, ни стука повозок на мостовой. Лишь гулкий звук собственных шагов, растворяющийся в полумраке. Тени, сливавшиеся в сеть, будто вели его всё глубже – за пределы обычной Эльдоры.

Наконец, он вышел на площадь, которой, насколько он помнил, никогда не существовало в Южном квартале. Просторная, каменная, она была пуста, кроме одного: посередине стояла арка, сложенная из чёрного базальта. В арку не вели ступени – лишь зыбкий провал, из которого тянуло холодом, старше самого города. Амулет на груди вспыхнул, и Кай почувствовал: это портал. Не обычный, как у магов Собора, сотканный формулами и ритуалами, а иной – созданный не для всех, а только для тех, кто идёт «по теням». Мерлин выгнул спину, шерсть на холке встала дыбом. Кай стоял на краю, сердце билось в горле. «Следуй за тенями».

Он вспомнил угловатый почерк Арвина. И шагнул внутрь. Мир вокруг растворился. Тьма обхватила его, но вдруг стала лёгкой как воздух. Это была не пустота, а пространство, выложенное тенями, где линии шли, словно математическая сетка. Каждая тень тянулась к другой, складываясь в замысловатый рисунок.

Амулет светился на груди. Слова на его обороте, словно оттаяв, вновь прошептали смысл: *«В объятиях света тень несёт истину»*. И тут он понял главное: это не просто артефакт. Это ключ. Ключ к дороге, которую скрывал сам город. Он прошёл сквозь дымчатый коридор – и шагнул в новую реальность. Перед ним предстал зал, которого не существовало на карте Эльдоры. Огромный, древний, с колоннами, уходящими в темноту. На полу были высечены те же знаки, что украшали амулет.

Мерлин прыгнул вперёд и оглянулся. А Кай понял: тени действительно ведут его туда, куда простые люди никогда не попадали. И именно здесь, в забытых глубинах, могла храниться правда о его матери и о судьбе Арвина.

Зал, высеченный тенями, казался бесконечным. Колонны уходили во мрак, а воздух был густ, словно наполнен шёпотом чужих голосов. Кай шагал осторожно, чувствуя, как амулет отзывается пульсирующим теплом: он был здесь не один. И тогда мрак дрогнул. Из глубины колоннады вышло нечто. Сначала – контур, смутный, как отражение в воде. Потом очертания обрели форму: существо, похожее на человека, вытянутое, бледное, с глазами, в которых не отражался свет, а колыхались тени. Его тело то становилось плотным, то растворялось в воздухе, сливаясь с пространством, будто оно было лишь проекцией.

Кай инстинктивно отступил. – Кто... ты?

Существо подняло руку, неловко, словно движение причиняло ему боль, и прохрипело: – К... Кварк... Кварк Морфиус де Л'Астраль. Губы двигались тяжело, слова ломались под натиском чужого языка.

– Эксперимент... – он сделал паузу, глаза на миг потемнели, как раскрученная бездна. – Система... проводила квантовые эксперименты. Хотели создать мгновенную связь... между мирами, между точками пространства. Их интересовали ресурсы... другие измерения...

Кварк замолчал. Его тело на миг растворилось, став почти прозрачным, но затем вновь стало зримым.

– Но как это связано с магией? С Эльдорой? – спросил Кай.

– Один из экспериментов... создал пробой. Разрыв в ткани реальности. Я... был слишком близко... меня втянуло. Я оказался здесь. Междомирье. Этот зал – не твой город. Это шов... пространство между мирами. Кай слушал, и сердце его билось с силой молота.

Существо опустило голову, и в его глазах промелькнула боль.

– Магия... – оно будто споткнулось на слове, но затем продолжило. – Это след. След того разрыва. Всё, что вы зовёте чарами и заклинаниями, – искажённые формулы системы. Лей-линии – рубцы на теле мира. Артефакты – осколки вычислителей. Вы живёте внутри шрама. Кай шагнул ближе, задыхаясь от осознания. Его догадки, слова Арвина, записи матери – всё складывалось.

– Ты хочешь вернуться? – тихо спросил он. Кварк взглянул прямо в его глаза. Его фигура пошатнулась, словно из воздуха пыталась вырваться не только форма, но и воля.

– Я хочу уйти... домой. Вернуться в свой мир. Ты... сможешь? Амулет за пазухой Кая потеплел, словно ответив на эту просьбу. Тени вокруг повели себя странно – они кружили, образуя узоры, похожие на уравнения, будто указывали дорогу для возвращения. Кай сжал медальон.

– Я помогу, пока не знаю как, – сказал он. – Ты тоже должен помочь мне. Я ищу ответы. Я хочу знать правду. О матери. О магии. О том, почему мир задыхается в ограничениях и лжи. Тогда я пойму, как вернуть тебя домой.

Кварк посмотрел на него долго, с каким-то печальным уважением.

– Тогда у нас общий путь. Ты – ключ к вопросам своего мира. Я – к порталу, к его истоку. Найдём ядро. Найдём точку разрыва. И... тогда вопросы получают ответы. Или... всё рухнет.

Тени вздрогнули, словно подтверждая услышанное. Кай закрыл глаза. Он чувствовал дрожь внутри себя: страх и восторг. Этот вечер изменил всё. Теперь он уже не просто искал мать. Он взвалил на себя истину целого мира. И где-то в темноте огромного зала за их плечами тени мелькнули тревожно – будто кто-то ещё услышал этот разговор.

Глава 11

«Мир учит нас драться, но мудрость учит выбирать поле битвы»

Тени в зале дрогнули. Сначала Кай решил, что это отголосок его собственных эмоций – ведь амулет живо реагировал на каждую мысль. Но Мерлин почти сразу ошетинился и зашипел. Кварк тоже заметил. Его силуэт на миг растворился, словно он хотел ускользнуть в пространство. Глаза существа засветились холодным, тусклым светом.

– Не одни мы, – выдохнул он.

Словно подтверждая его слова, гулкое эхо пронеслось по колоннам большого зала. Звук был странным: не шаги, не дыхание. Словно стена шептала. И этот шёпот складывался в расплывчатые слова, на которых пробивалась руническая вязь: – ...Нави... Кай...

Кай вжался в плечи, в ладони холодно кольнул амулет. Его тени заколыхались, будто готовые взметнуться в защиту.

– Собор... – глухо произнёс Кварк. – Они нашли путь. Их зеркала-наблюдатели могут подглядывать даже здесь... в Междумирье. Кай ощутил, как сердце ухнуло вниз.

– Они знают, что я здесь?

– Они знают, – подтвердил Кварк. – Но, возможно, не видят всё.

– Если ты подчинишь тени – они закроют тебя. Сумеешь? – Кварк шагнул ближе, и на миг его рука, полупрозрачная, легла на плечо Кая. Кай сжал зубы, в груди взвилось отчаяние и странное упорство. Он закрыл глаза, вспомнив тяжесть камней на стройке и то, как тени поддерживали его тогда. *«Не сила, а равновесие»*, – всплыли слова Арвина. Тени откликнулись. Вокруг него и Кварка закружилась тьма, будто плотная ткань, закрывающая их фигуры от постороннего взгляда.

И тут в зале мелькнул силуэт. Высокий человек в плаще, лицо скрыто маской. Но движения его были слишком чёткими, слишком хищными. Тайный агент Собора. Эхо его шагов заполняло пространство, в то время как пальцы скользили по граням кристалла-зеркала на его груди. Зеркало вспыхивало, искажая пространство, пытаясь пробиться сквозь ночь: – Объект найден, – прозвучал его голос, холодный и механический. Слова уходили кристаллом куда-то дальше – без сомнений, к самому Растобану.

Кварк сжал воздух, и его голос стал резким:

– Если останемся – они схватят тебя. Выбор за тобой, Кай. Бежим вглубь тени... или ударим первыми. Кай опустил взгляд на амулет. Тот пульсировал, будто подталкивая к решению. У него был выбор: скрыться – довериться теням и уйти глубже, в Междумирье, надеясь оторваться или сражаться – рискнуть и впервые проверить, может ли его сила противостоять агентам Собора лицом к лицу.

Кай потер виски, пытаясь сосредоточиться. Почувствовал, как тени готовы откликнуться на любое его решение. Мерлин бросил взгляд сияющими глазами и издал низкое ворчание, словно одобрял любой выбор – лишь бы Кай решил. Гулкий удар сердца отозвался у Кая в висках. Тени вокруг него дрожали, словно ждали команды. Агент Собора приближался, кристалл на его груди вспыхивал всё ярче, вытягивая из тьмы невидимые волокна. Кай посмотрел на Кварка.

– Скрыться, – сказал он тихо. – Я не готов к бою. Я должен понять, что может эта сила. Кварк едва заметно кивнул.

– Хорошо. Тогда слушай тени. Они – не оружие. Они путь.

Амулет на груди вспыхнул. В тот же миг тени, будто поняв его решение, сплелись в сеть, закрывая их от взгляда. Мир вокруг сжался, когда чернота загустела и вытянулась в помещение рядом с колоннами. Агент резко дёрнулся – кристалл на его груди ударил ярким светом.

– Нави!.. Я знаю, ты здесь! Но место, где секунду назад стоял Кай, было пустым. Он уже шагнул по иной дороге. Тени не просто скрыли его – они перенесли. Под ногами каменный пол плавно сменился гладкой плитой, выложенной рунами. Тишина стала глубже, воздух гуще. Пространство расправилось, как книга, развёрнутая на новой странице.

Кай моргнул. Он был всё ещё в зале, но совсем другом. Здесь колонны были выше, потолки уходили так далеко, что их скрывала беспросветная мгла. Огромные знаки на полу пульсировали мягким светом, складываясь в узоры формул. Устроившись у ног, Мерлин демонстрировал поразительное равнодушие к происходящему. Амулет гудел на груди как сердце. Кварк, стоявший рядом, сделал глубокий вдох – впервые он выглядел расправленным, свободнее. – Ты чувствуешь? – спросил он. – Это и есть сила твоей магии. Она не для боя, Кай. Она для дорог. Ты можешь скользить сквозь тени туда, где тебя не должны заметить. Там, где иной сломался бы, ты пройдёшь.

Кай провёл рукой по воздуху. Тени отозвались мягко, послушно, как вода.

– Значит... я могу входить в Междумирье, – сказал он шёпотом, словно боясь сам себе, признаться. – В те места, куда другим закрыт путь. Он сделал ещё один шаг, и сеть из рунических формул потянулась дальше, ведя куда-то глубже.

Где-то далеко позади, в первой части зала, гневный голос агента всё ещё разносился эхом: – Ты не скроешься, Нави! Собор видит каждый твой шаг! Но Кай уже понимал: Собор действительно видит всё... кроме теней. Бегство стало его первым оружием. А знание – его целью.

А в то же время в тенистых коридорах Магического Собора царила неестественная тишина. Даже магические кристаллы, закреплённые в бронзовых чашах, горели тише, чем обычно, будто воздух сам задержал дыхание. Виктор Растобан, Декан Собора, нервно прохаживался вдоль окна – за стеклом опускались сумерки, и башни Эльдоры утопали в мрачном зареве. На столе перед ним лежал свиток с донесениями стражей: наблюдения за юным Нави. Каждое его движение, каждый разговор и, особенно, – зафиксированная встреча с таинственным существом, попавшим из другого мира. Растобан читал строки, сжимая кулаки. *"Он становится связующим звеном. Этот мальчишка может привести нас к Ордену Свободной Магии..."*

И в этот миг дверь резко распахнулась. Без стука, без разрешения, словно сама тьма предпочла войти. В комнату шагнул человек в чёрном одеянии, лицо скрывал капюшон. Но когда он поднял голову и сдвинул ткань назад, всемогущий Декан впервые за вечер выпрямился. Лорд Дориан Блэквелл. Верховный инквизитор. Он двигался неспешно, каждый шаг отдавался эхом. Его черты – резкие, классические, пугающе правильные. Высокий лоб, строгий нос, железный подбородок. И главное – глаза. Тёмно-синие, но в полумраке казавшиеся бездной. Слишком хищные для человека. Слишком расчётливые, чтобы оставлять надежду.

– Декан, – голос его был холодным, как северный ветер. Он не повышал тон, но слова пробирали под кожу. – Я получил ваше послание.

Растобан сделал усилие, удерживая взгляд.

– Ваша Светлость. Ситуация требует вашего вмешательства. Мы нашли нить, ведущую к Ордену Свободной Магии. И эта нить – мальчишка. Кай Нави.

Блэквелл медленно прошёл к столу и опустил перчатку на донесение. Бумага задрожала, будто сама чувствовала вес его прикосновения.

– Он контактировал... с чужаком, – медленно произнёс он. – С существом из-за границ мира. Это опаснее, чем вы думаете, Виктор. Орден всегда пользовался такими связями.

– Наши шпионы зафиксировали встречу с Арвином, – поспешно вставил Растобан. – И разговоры о матери мальчишки тоже. Рита Кастула предположительно жива. Она связана с Орденом. Его голос дрогнул. Ему ненавистно было чувствовать, что он объясняется так же,

как ученик объясняется учителю. Инквизитор чуть приподнял уголок губ. Полуулыбка – и в ней не было радости, лишь зловещая тень.

– Значит, всё ещё интереснее, чем я ожидал. У нас есть мальчишка, связанный с изгнанниками. Есть учитель, которого вы уже упекли в темницу Морнагар, но который не скажет нам ничего добровольно. Есть мать, имя которой проклято среди Собора. Он поднял взгляд. И вдруг шагнул ближе к Растобану, так что Декан ощутил холод его дыхания.

– А значит, у нас появилась тройная приманка. Растобан молчал. Блэквелл продолжил шёпотом – от чего его слова прозвучали ещё страшнее:

– Мы позволим Каю жить. Мы позволим ему идти вперёд. Мы дадим ему верить, будто Собор его поддерживает. Юнец поведёт нас прямо в сердце Ордена. А потом... мы закроем капкан.

В глазах инквизитора мелькнул хищный огонёк. Не огонь – ледяная искра.

– Но помните, Виктор, – сказал он, вновь распрямляясь, – если мальчишка заподозрит игру, вы разделите его судьбу. Растобан кивнул. Его челюсти скрипнули, но он не посмел ничего возразить. Инквизитор отвернулся и направился к двери.

Проходя мимо, он бесшумно бросил: – Подготовьте жизнь для юного Нави. Дайте ему кусочек надежды. Ложную надежду. И исчез в коридоре так же внезапно, как явился.

Ненависть. Растобан остался один у окна. Его руки дрожали, грудь сжимал яростный стыд. Великий Декан, чьё имя шептали со страхом по всей Эльдоре, снова почувствовал себя мальчишкой перед кнутом. Но сквозь унижение прорезалась и другая эмоция. Зерно.

Глава 12

«Победить страх – значит стать больше, чем был вчера»

Кай и Кварк всё ещё блуждали в туманных просторах Междумирья – того загадочного пространства, где время теряло свой привычный смысл. Здесь, в царстве зыбких теней и мерцающих реальностей, им предстояло обсудить то, что не могло быть произнесено в мире живых.

Их разговор требовал тишины и уединения, которых невозможно было достичь среди шума и суеты обычного мира. Только здесь, где грани миров истончались до прозрачности, они могли говорить откровенно, не опасаясь быть услышанными или понятыми превратно.

И тут все звуки исчезли. Даже гул Междумирья пропал, как если бы вокруг разом вытянули воздух. Тени, которые обычно кружились мягкими, текучими волнами, замерли – и разом вытянулись по углам, будто прячутся. Кай резко поднял голову.

– Что происходит?.. – выдохнул он. Кварк обернулся, его тело наполовину растворилось, став напоминанием о другом пространстве. Взгляд существа был тревожным.

– Этот мир... кто-то смотрит. Сквозь зал, сквозь стены. И взгляд чужд тебе. Кай обхватил амулет ладонью – металл был ледяным, будто его окунули в снег. И в этот миг он почувствовал взгляд. Не глаза человека, а всё сразу: словно само пространство придавило его к земле. Холод. Решимость. Сила, которая могла раздавить, даже не притронувшись. Нечто тёмное и глубоко дисциплинированное скользнуло через его сознание, оставив странный шрам. Внутри Кая что-то закричало: «ты наблюдаемый».

Он зажал зубы, но спина предательски согнулась. В воображении всплыло чьё-то имя, откуда-то знакомое: Блэквелл.

– Инквизитор... – прошептал Кварк. – Его сила тянется сюда. Он пока не здесь, но уже коснулся твоего пути. Мерлин зарычал глухо, и весь зал, казалось, повторил его рык. Камни дрожали. Чужое присутствие исчезло столь же резко, как и появилось, но в душе Кая остался холодный след. Он взглянул на Кварка:

– Значит... теперь я не просто ученик и не просто беглец. Он уже знает обо мне. Существо кивнуло. Его глаза светились, как два обугленных угля:

– А это значит, что твой час выбора пришёл раньше, чем ты был готов. Кай положил руку на амулет и впервые почувствовал не страх, а упрямство.

– Если уж я стал «приманкой», как он хочет, то я сам решу, кого приведу. Тени вокруг зашевелились вновь, будто поддерживая его дерзкие слова.

Тяжесть чужого взгляда исчезла, но холодный след в груди Кая жёг сильнее любого ожога. Он машинально сжал амулет, будто надеялся согреть себя.

Кварк стоял напротив, фигура его то густела, то растворялась в воздухе. Его глаза светились углями, словно внутри них тлел костёр, которому тысячи лет. Кай шагнул ближе к существу. – Скажи прямо: кто ты? И почему я вижу всё это? Почему я?..

Кварк опустил голову, будто подбирая слова и ответил:

– Я был человеком. В другом мире. Но моё тело погибло в тот миг, когда эксперимент разорвал ткань реальности. Осталась только оболочка сознания, сплетённая с тенью. Я стал тем, что вы здесь зовёте «аномалией» или «призраком». Но на самом деле я – свидетель.

Он посмотрел прямо на Кая. – Ты связан с этим шрамом, мальчик. Не случайно. В крови твоей матери – формулы, которых не должно быть. Взгляд твой видит закономерности, где другие твердят молитвы. Ты – не звено системы. Ты – сбой.

Кай вздрогнул.

– Сбой?

– Да. То, что мир пытается исправить. Потому Блэквелл и Собор так жаждут тебя. Сбой – это опасность для любой системы. Но сбой может стать и входом к новой истине.

Мерлин вдруг глухо зарычал, шерсть на его спине поднялась дыбом. Земля под ногами дрогнула, будто откликнувшись на его низкое, гулкое предупреждение. И в этот миг Кай услышал голос – в своей голове. Не чужой, а знакомый и близкий, но рождённый не ушами, а прямо в сознании:

– Ты больше не можешь прятаться, Кай. Молчание закончилось. Я ждал этого момента.

Кай резко обернулся, будто кто-то заговорил у него за спиной. Но рядом был только серый кот, золотые глаза которого смотрели прямо в его душу.

– М-Мерлин?.. – прошептал он, не веря самому себе.

– Да, – ответил голос спокойно, твёрдо, – всё это время я молчал. Так пожелал Арвин. Он считал, что ты должен вырасти сам, без моих слов. Но теперь всё изменилось... ты услышал чужую силу, и пришло время, чтобы услышал и мою. Кай замер. Сердце колотилось так, словно хотело вырваться наружу. – Ты... Ты всё время мог говорить?

– Да, – подтвердил Мерлин, слегка склонив голову, – но наставник бывает полезен лишь тогда, когда ученик готов к вопросам. Ты готов. В его глазах блеснула ирония.

– Ты – не просто кот, – выдохнул Кай.

– Разумеется. Я хранитель, связанный с твоей матерью. Проводник между тобой и тенями. Тенью нельзя властвовать. С ней можно лишь говорить... вот я и научу тебя как.

Кай сжал пальцы в кулак, чувствуя, как все привычные части его мира рушатся.

– Всё это время... ты наблюдал за мной. Молчал.

– Да, – невозмутимо ответил Мерлин. Его голос в сознании Кая звучал мягко, но с силой древности.

– А теперь, мальчик, слушай. Время играть во тьме закончилось. Пришёл час света и теней. Ты должен решать, иначе за тебя решат другие.

Кварк, наблюдавший за ними, кивнул. Его голос звучал мрачно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.